

Мифологические элементы в доктринальном юридическом мышлении

Глухарева Людмила Ивановна,

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой теории права и сравнительного правоведения
юридического факультета Российского государственного
гуманитарного университета (Москва)
E-mail: liglur@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа работ известных специалистов утверждается, что научное мышление, в том числе и доктринальное юридическое мышление, не может не содержать мифологических элементов, поскольку протекает не только в рамках рационального, но и воображаемого (имагинативного) пространства. Ремифологизация научного знания активизировалась в связи с переходом к постклассической парадигме, своим возрождением она обязана исследовательской потребности получить целостное видение изучаемых объектов и при этом понять базовые структуры, обеспечивающие протекание мышления. Осознание когнитивной сцепки рациональных элементов и символизма мифа обнаружило присутствие в познании особой мифо-логики, позволяющей при помощи интуитивных механизмов, которые, как полагалось ранее, в научном мышлении не участвуют, предугадывать истину. Различия никак не мешают научному и мифологическому мышлению сосуществовать в режиме взаимодополнительности, поскольку человеческая мысль не работает автономно, а образность неотделима от суждений. В современном научном сознании, в том числе и правовом, действует особая мифо-логика, поскольку в нем сохраняются архетипы на правовые темы, сама наука базируется на вере в ряд исходных постулатов и идей (парадигме), а реальность презентуется на высочайшем абстрактном уровне, не позволяющем во всех нюансах и тонкостях задействовать абстрактно-понятийное и логически-доказательное знание. На примере концепции прав человека иллюстрируются утверждаемые положения. Предлагается вывод о том, что мифологическое мышление является не просто наличным элементом движения мысли, но важным ресурсом получения нового знания. Поэтому мифология в науке — не выдумка, а скорее предугаданная истина. Размифологизация в юридической науке возможна путем объяснения всех неясных и недоказанных моментов.

Ключевые слова: доктринальное юридическое мышление, мифология, ремифологизация науки, мифологические элементы в концепции прав человека, размифологизация науки.

В отечественной литературе все чаще встречаются публикации примерно такого названия: «Управление в гражданском праве: миф или реальность», «Реабилитация в административном праве: миф или реальность», «Глобальное контрактное право: миф или реальность?». В них и подобного рода работах миф трактуется как некий вымысел или заблуждение, а обращение к последним воспринимается резко негативно. Большинство юристов миф в целом понимается в качестве феномена, не имеющего отношения к собственно научному познанию. Такая постановка вопроса, конечно, имеет право на существование, особенно в контексте установки на демифологизацию правового мышления и отказа от интерпретаций исследуемых объектов на языке мифа.

Однако нельзя игнорировать и другой факт — установленную многочисленными

исследованиями принципиальную неустрашимость мифа из научного познания, в том числе и доктринального юридического мышления. Особенно это верно для сферы правовой идеологии, которая содержательно является сегодня сознательно сформированной мифологией, включающей в себя немалое количество иллюзий, мистификаций, фикций, хотя, как ни парадоксально, именно благодаря ей и осуществляются на практике многие правовые установления. Правовая идеология оказывает эмоционально-психологическое воздействие на сознание людей (особенно на носителей обыденного правосознания) и при всех своих недостатках рождает веру в провозглашаемые официальные ценности — правовое государство, права человека, эффективность гражданского общества, справедливость суда, неотвратимость наказания, законность, правопорядок и пр.

Нельзя не замечать органичность мифологии доктринальному мышлению, поскольку последнее протекает не только в рамках рационального, но и воображаемого (имагинативного) пространства. Гносеологический потенциал мифа обратил на себя внимание и получил наиболее интенсивное развитие в связи с переходом науки к постклассической парадигме, которая, среди прочего, указала на ограниченность эталона научной рациональности, отказалась от идеала абсолютной объективности, признала множественность истин, но главное — констатировала прямую зависимость научного знания от мировоззренческих и ценностных установок исследователя. Ремифологизация в науке обязана исследовательской потребности получить целостное видение изучаемых объектов и при этом понять базовые структуры, обеспечивающие протекание мышления¹. Адекватным ответом на парадигмальный запрос стало обращение к мифологическому сознанию с его символическим кодом, контекстуальными смыслами и иррациональными ресурсами.

Миф, как известно, представляет собой исторически и логически более раннюю форму культуры, чем наука. В нем заключены столь необходимые для всех областей жизнедеятельности человека и общества (в том числе и научной сферы) символические и духовные резервы. Сегодня, как и раньше, он продолжает выступать оригинальным способом объяснения юридического мира, его сюжетов и проблем. До некоторого времени считалось, что юридическая научная мысль сориентирована преимущественно на строгое рационалистическое объяснение фактов и событий, что она базируется на жестко устанавливаемых доказательствах. Пришедшее же постклассическое понимание включенности мифологического (архетипического) опыта в область мышления, непостижимого только с помощью абстрактно-понятийного и логически-доказательного знания и не выразимого лишь при помощи мысли-слова, позволило уточнить структуру юридической рефлексии. Осознание когнитивной сцепки рациональных элементов мышления и символизма мифа обнаружило присутствие в познании особой мифологии, позволяющей при помощи интуитивных механизмов, которые, как полагалось ранее, в научном мышлении не участвуют, предугадывать истину. Тем самым была внесена некоторая ясность в представления о протекании теоретического разума и формировании научной информации.

Говорить о правовых мифах и мифологическом правовом мышлении наряду с общим

пониманием мифологического в науке представляется вполне оправданным, если считать, что такие общие положения приобретают специфику, когда касаются описания и интерпретации собственно правовых идей, правовых сюжетов и правовых проблем.

Следует отметить, что правовые мифы сегодня изучаются главным образом историко-правовой наукой либо юридической антропологией и касаются преимущественно архаических культур мира². Лишь в последние годы наметилось обращение к мыслительной имажинации (воображаемому) в рамках общетеоретических правовых представлений³. В.П. Малахов вполне обоснованно замечает, что сегодня мифология — это «важная составляющая современного теоретического мышления», которая к тому же «стала многообразнее, тоньше, изощреннее, принимает гораздо менее очевидные и привычные формы»⁴. В.А. Вострокнутов констатирует тот факт, что современная юридическая доктрина имеет дело с двумя типами правовых мифов: исторически (ретроспективными), необходимыми для консервации традиционных ценностных представлений и имеющими легитимационное значение, а также перспективными (прогностическими), направляющими сознание на правовой идеал и руководство к действию⁵. Несомненно, обращение к мифу в научной сфере позволяет дополнительным (иным, другим) образом объяснить истоки таких важных основ юриспруденции, как порядок, спор о правах, преступление, договор, дар, борьба за право, обида, возмездие, ответственность, суд, справедливость, правда и ложь, мера, кровная месть, родство, отец-покровитель, авторитет, закон и многие другие.

Понятие мифа чрезвычайно многозначно и амбивалентно. Из всех известных взглядов на миф (как чувственно-наглядного образа, художественно-эстетического феномена, эмоционально-психологической программы, сферы культуры, формы языка, семиотического знака и так далее) значение для настоящей темы имеет его трактовка в качестве специфического способа

² Руланд Н. Юридическая антропология: учебник / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1999. 310 с.; Ковлер А.И. Антропология права: учебник. М., 2002. 480 с.

³ См., например: Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М., 2013. 151 с.; Социальная антропология права современного общества: монография / Под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. 248 с.; Клименко А.И. Основные правовые мифы в системе современной правовой идеологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 16–28; Вострокнутов В.А. Мифологический элемент в современном общественном правосознании: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 180 с. и др.

⁴ Малахов В.П. Указ. соч. С. 3.

⁵ Вострокнутов В.А. Указ. соч. С. 54, 59.

¹ Подробнее см.: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: учеб. пособие. М., 2001. С. 153.

мышления. В этих рамках Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, Ю. Хабермас именовали его «нормативностью социальной практики». А.Ф. Лосев считал миф особым стилем познания и относил к личностному опыту⁶. Э. Кассирер придавал мифу такие свойства и качества (которые равным образом присущи и научному дискурсу), как объективность, истинность, причинность⁷. К. Хьюбнер также утверждал, что истина, логика и рациональность неотъемлемы от мифологического мышления⁸. Э.Я. Голосовкер характеризовал современное научное мышление «интеллектуальной мифологией», поскольку полагал, что наряду с чисто логическими, дедуктивными и индуктивными методами оно использует интуитивный подход и имагинативное (основанное на воображении) знание⁹. Т.Г. Лешкевич отмечает, что миф является «начальной формой мышления, когда мысль не может себя выразить в адекватном виде, и от неумения выразить объективное в разумных формах обращается к вспомогательным средствам — образам и представлениям». В этой связи автор подчеркивает, что правильным будет рассматривать «сосуществование мифологии и научного мышления как двух уровней идеального отражения мира»¹⁰, как неразрывных компонентов проводимого научного познания.

Имея в виду такие особенности научного мышления, можно утверждать следующее. Юридическое научное познание осуществляется при помощи множества видов мыслительных операций: выдвигаются гипотезы, они апробируются, подключаются рассуждения и толкования, выводятся умозаключения и так далее, причем все они на каких-то этапах своего возникновения и протекания обнаруживают корни в интуитивной области сознания. Интуитивных прозрений, то есть некоторых эмоциональных и чувственных предвидений изучаемого объекта, оказывается вполне достаточно для составления хотя бы приблизительного образа последнего. Однако для четкого, относительного точного и предметного знания его сущности, форм и деталей требуется переход к рациональным рассуждениям и использованию логических доказательств. При интуитивном озарении происходит как бы «перенос» пока еще смутной информации об объекте на поверхностный уровень сознания, которое далее продолжается путем интерпретации

и верификации имеющегося образного знания уже при помощи интеллектуальных средств. Определенность и ясность итоговых знаний появляется после того, как открывается образное понимание объекта, строгая научность самоопределяется после интуитивного его постижения. Таким образом, в познавательном процессе логико-аналитические и интуитивно-спонтанные процессы образуют нечто единое целое, и в нем интуиция занимает скрытое, глубинное, но разворачивающееся параллельно интеллекту место¹¹.

Научное (рациональное в прямом значении) и мифологическое мышление по своим основным параметрам имеют много различий. Первое интеллектуально, понятийно, логично, требует ясных и системных выводов, не приемлет сомнений, опирается на доказательства и так далее. Действительно, логос основан на различении, аналитике, дискурсе, умозрении. В противоположность ему мифологическое мышление обладает образным и эмоциональным характером, появляется тогда, когда ощущается дефицит информации, к противоречиям относится как к должному, не пытается их снять. Оно достаточно простое для восприятия и наименее теоретического, рационального. Например, Ю.В. Тищенко акцентирует следующие характеристики мифологического мышления: синкретизм, ориентация на синтез, тождество единичного и целого, отождествление объекта и образа, иносказательность, антиномичность, многозначность, догматичность, внетемпоральность, цикличность, иррациональность, энергетичность, структурированность на основе содержательно-смысловых инвариантов — архетипов и т.п.¹² Познавательный аспект мифотворчества заключен в символическом порядке, устанавливаемом через подобие, аналогию, метафору. Миф выступает неким символом и иносказанием той реальности, которую невозможно по-иному проартикулировать и понять «здесь и сейчас». У него нет ясности, присущей теоретическим формулировкам, хотя он конкретен и претендует на неопровержимость своей правоты. Миф есть правдоподобное слово, соединяющее в себе образ, идею и смысл¹³. Мифологизация мышления, как

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Сост., общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М., 2001. 558 с.

⁷ Кассирер Э. Мифологическое мышление // Философия символических форм. Т. 2. М., СПб., 2001. 280 с.

⁸ Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.

⁹ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. 224 с.

¹⁰ Лешкевич Т.Г. Указ. соч. С. 148, 152.

¹¹ Подробнее см.: Кармин А.С. Интуиция // Энциклопедия по эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 307.

¹² Тищенко Ю.В. Роль мифа в формировании аксиосферы права // Актуальні проблеми філософії права: правова аксіологія: матер. Міжнар. круглого столу (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). Одеса, 2012. С. 86.

¹³ Подробнее см.: Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.В. Преддверия философии. Духовные искания древнего человека / Пер. с англ. СПб., 2001. С. 10–13; Осаченко Ю.С., Полозова И.В. Миф // Энциклопедия по эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 520.

полагает В.П. Малахов, связана «с наделением изучаемых объектов свойствами наилучше-сти, идеальности, совершенства, подлинности»¹⁴.

Тем не менее такие различия характеристик никак не мешают научному и мифологическому мышлению сосуществовать в режиме взаимодополнительности, некоторой работы друг на друга, так как человеческая мысль не работает автономно, а образность неотделима от суждений. При любом уровне развития науки исследователи сталкиваются с чем-то неизвестным, непонятым, необъяснимым. В таких случаях мифологический вымысел помогает компенсировать недостаток знания, включить объясняющий потенциал образного постижения мира в имеющуюся систему представлений о праве. Более того, «мифологическое мышление обладает способностью по возможности сдерживать то аналитическое раздробление познания на самостоятельные и частичные моменты, с которого и начинается собственно научное понимание и которое продолжает оставаться его типичной чертой»¹⁵.

Известный русский философ-антиковед и писатель А.Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» (1930 г.) отмечал неразрывную диалектическую связь науки и мифологии. Он писал, что определенная мифология и определенная наука могут частично совпадать, хотя принципиально никогда не являются тождественными. Миф всегда чрезвычайно практичен и всегда эмоционален. Наука, хотя и не рождается из мифа, но она всегда мифологична, так как исторически питается мифом, черпая из него свои исходные интуиции. Что может представлять собой наука, вопрошал ученый, которая воистину немифологична? Ведь чтобы быть наукой, нужна только гипотеза и более ничего. Сущность чистой науки заключается только в том, чтобы сформулировать гипотезу и заменить ее другой, более совершенной. Поэтому, по сути, она представляет собой совершенно отвлеченную систему логических и числовых закономерностей, такая наука есть «сама по себе» и «в себе». В таком виде она никогда не существовала и не может существовать. Конечно, наука как таковая не мифологична, но это никуда не годная и нигде не применимая наука. Реальная же наука может быть только мифологичной, поскольку учит жизненному отношению к окружающему миру. «Наука не рождается из мифа, а не существует без него», — заключал мыслитель¹⁶.

Действительно, можно обнаружить ряд сходных черт у научного (в том числе и юридического

доктринального) и мифологического мышления, например, символичность, описательность (описание должного), формализованность (установка на форму), фиктивность (присутствие определенных, заведомо не являющихся истинными допущений) и др.¹⁷ Миф и наука преемственны в том смысле, что в научном познании присутствует, как уже отмечалось, особая мифо-логика, позволяющая выявленные образы и полученные смыслы дискурсивно оформлять. О действии особой мифо-логики в рамках научного исследования свидетельствует ряд факторов.

Во-первых, в современном сознании, в том числе и правовом научном сознании, сохраняются архетипы на правовые темы. Примерами могут служить всевозможные сказания, поверья, обычаи, пословицы, в которых отражены мифологические сюжеты о порядке, законе, правах, преступлении, договоре, покаянии, почитании рода, справедливости, правде и кривде, свободе и мере, и др. Так, в одном древнеславянском мифе рассказывается о Доле и Недоле, которые ежедневно и ежечасно сопровождают человека в его земной жизни и определяют счастье, достаток и благополучие последнего. Предки полагали, что счастливый человек не работает, а живет в довольстве потому, что за него трудится его Доля. А когда Доля покидает его, начинает предаваться праздности, бражничает, веселится и не хочет знать никакого труда, то тогда человек впадает в нищету, страдает, испытывает лишения. Ее место занимает Недоля, поступки которой всегда направлены во вред человеку. Пока она бодрствует, беда следует за бедой, и только тогда становится легче несчастному, когда засыпает его Недоля. Поэтому русская пословица звучит так: «Не буди лихо, пока оно тихо»¹⁸. Иначе: веди себя в соответствии с принятым порядком и правилами нравственности.

Во-вторых, любая научная теория базируется на определенной парадигме — принятых на веру исходных постулатах и идеях (например, утверждениях юридического позитивизма либо естественной школы права), что означает соглашение исследователя с некоторыми допущениями без обращения к каким-либо доказательствам. Но это никак не означает безошибочности или безусловной истинности принятых основ (что, к сожалению, чаще всего становится ясным значительно позднее, когда поднимаются вопросы о необходимости перехода к новой научной парадигмальности).

В-третьих, юридическая теория в настоящее время изучает реальность на высочайшем абстрактном уровне, что не позволяет во всех

¹⁴ Малахов В.П. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ Кассирер Э. Указ. соч. С. 64.

¹⁶ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 14, 15, 17, 18, 21, 25.

¹⁷ Вострокнутов В.А. Указ. соч. С. 45.

¹⁸ Белякова Г.С. Славянская мифология. М., 1995. С. 121.

нюансах и тонкостях задействовать абстрактно-понятийное и логически-доказательное знание. Крайняя абстрактность объектов познания (например, правопорядок, законность, субъективное право и т.д.) вынуждает исследователей обращаться к вспомогательным средствам — образам и представлениям, аналогиям и фикциям, то есть использовать мифологический язык, чтобы прояснить те или иные детали изучаемого явления. Востребованность иметь целостную (хотя и относительно), убедительную и в некотором роде завершенную картину изучаемого объекта приводит к необходимости упростить и домыслить материал с помощью троп (двойных смыслов), гипербола, сравнений, эпитетов, замен, метонимии, метафор. Например, объяснить государственную власть как некий аппарат или механизм, устранить пробелы в праве, применяя аналогии и фикции. Конечно, подключение мифологического языка (расплывчатых образов, метафор, двойных смыслов и т.д.) ведет к некоторой потере определенной достоверности знания, придает созданным понятиям незавершенный и неубедительный характер, что вызывает (может вызывать) у юристов, а также всех здравомыслящих людей скептическое отношение или даже элементарное неверие в правовые установления.

Однако в этом есть и положительные моменты. Во-первых, обнаруживаются новые, ранее неизвестные понятия и категории, отражающие (или на языке постклассики конструирующие) правовую реальность. Во-вторых, правовые утверждения с мифологическими деталями, встроенные (не разрушающие) в правовую систему, эмоционально-психологически и символически воздействуют на сознание людей, тем самым убеждают в своей правильности и целесообразности. Символы, как известно, упрощают действительность, переводят сложные научные конструкции на уровень общедоступной культуры и таким образом ориентируют в поведенческом и ином выборе.

Можно схематично показать, как взаимодействуют рациональные и мифологические элементы, активизированные в процессе научного, в том числе и доктринального юридического, освоения мира. Когда не хватает по каким-то причинам доказательственного знания, нет представлений о главных чертах и аспектах явления (процесса), тогда на основе чувственно-эмоционального интуитивного предвидения и без детального логического анализа появляется (складывается) сначала неявный, расплывчатый и достаточно смутный образ объекта, который на этой стадии наука не способна зафиксировать и интерпретировать рациональным способом. Потом на основе ассоциаций, аналогий, боковых подсказок, опоры на подобие,

использования метафор, фантазийного схватывания и т.п. формируются фикции, придумываются модели. То есть активизированное воображение (имагинация) ведет к осмысленным представлениям, происходят скачкообразные переходы от образов к понятиям и обратно. В этом мыслительном процессе логоцизм взаимодействует с имагинацией, рациональность и логика отталкиваются от мифологического воображения. В итоге самоопределяется гипотеза, которую способен зафиксировать уже дискурс. Таким образом, мифологическое мышление можно считать не просто наличным элементом движения мысли, но важным ресурсом развития и появления нового знания. Поэтому мифология для науки не выдумка, а скорее предугаданная истина.

Сказанное предметно можно продемонстрировать на примере широко признанного и фиксируемого в законодательствах многих стран института прав человека. В правах человека очень много ненаучных допущений, правдоподобных утверждений, скрытых смыслов, механизмов подмен, расширения пространства действия, замены аргументов об истинности прав соображениями об их полезности. Все это позволяет опровергнуть, по крайней мере, критически отнестись к концепции прав. Но при этом нельзя не видеть и положительного эффекта от тех идей и идеалов, которые провозглашаются человеческими правами, поскольку они позволяют ориентироваться в перспективах развития государственно-правовой сферы, определить средства, укрепляющие гуманитарную составляющую права.

Мифологические элементы в доктринальных представлениях о правах человека проявляют себя на разных уровнях и в разных аспектах. На некоторые из них нужно обратить особое внимание:

- в первую очередь нетрудно заметить, что права человека теряют (потеряли) свою определенность. Содержательно в них не осталось ничего собственно-го, их границы размываются, поскольку предметность прав включает сюжеты, охватывающие практически все сферы жизнедеятельности личности и достаточно большой объем деятельности государства. Более того, нормативные установления частного и публичного права, касающиеся правосубъектности физических лиц (их объединений), совершенно необоснованно именуют правами человека и не проводят каких-либо различий между ними и позитивными субъективными правами. На регламентации именно позитивных субъективных прав строится деятельность омбудсменов, хотя

считается, что они содействуют защите именно прав человека. Но позитивные субъективные права — это мифологическая, то есть желаемая с точки зрения властвующих элит, интерпретация человеческих прав;

- права человека считаются универсальными, поскольку они присваиваются некому абстрактному человеку, с образом и поступками которого, очевидно, что соглашается далеко не каждый реально живущий человек. Абстрактный человек не соответствует тем людям, которые включены в этнонациональные практики и принадлежат к различным культурам, формирующим разные идентичности. Поэтому сомнительны утверждения ряда концепций прав человека об автономии и независимости индивида от общества. Более того, современные культуры не готовы признать ценности других народов, которые имели бы равный с ними статус, поскольку нет понимания того, что собственная идентичность зависит от диалога с другими людьми — «без Другого нет Меня»¹⁹. Поэтому ксенофобия и политика мультикультурализма — серьезные возражения для признания универсального характера прав человека;
- концепция прав человека презюмирует достоинство каждого индивида, так как наделяет его рациональным образом, способностью к разумному выбору, верой в творческие силы, нравственную порядочность и т.д. Опять же практика опровергает такую презумпцию: далеко не в каждом воспитано осознание собственного достоинства, не каждый даже знает и считает необходимым его поддерживать. Поэтому тезис о достоинстве каждого представителя человеческого рода, выдвигаемый концепцией прав человека, следует считать не более чем технической эстетикой современности, и поэтому открытым остается вопрос о том, какого именно человека нужно защищать посредством инструментов прав человека;
- права человека построены на императивах и ценностях морали и естественного права, они стали выводным концептом из «самоочевидных истин»²⁰. Но сегодня разрушение границ нрав-

ственности и морали, а также достижения биологии, вмешательство в геном и репродуктивные функции человека (сексуальная свобода, аборт, укрепление идей о праве на самостоятельное решение об уходе из жизни, конструирование своего тела и т.п.) оставляют проблемными вопросы о том, какую именно «естественность» выражают права человека и равноценны ли они «правам» любой другой жизни (животных, вирусов и т.д.);

- утверждается, что все права равнодостоинны, системно организованы, применяются сбалансировано и т.д. На практике же оказывается, что все права, в том числе и фундаментальные, находятся в постоянном конфликте, удовлетворение благ, стоящих за правами, оказывается ситуативным, поскольку для их защиты приходится взвешивать их значимость для конкретного случая, то есть обращаться к мнению государственных структур (которое, как известно, далеко не всегда объективно и справедливо). Получается, что системе прав человека свойственна противоречивость, а для своей реальности (то есть фактической защищенности человека) они могут быть только догматически оформлены;
- обращает на себя внимание принижение диалектики прав, обязанностей и ответственности. Скрытость двух последних уже на уровне названия этого института формирует установку на автономию и независимость индивида от общества, ориентирует на поведенческую вседозволенность, восприятие прав как приобретения своего рода привилегий, отвоеванных от каких-либо обязательств;
- права человека пафосно именуют высшей ценностью, священными и неотчуждаемыми, однако даже на законодательном уровне признается возможность их ограничения государством, а повседневные нарушения прав на всех уровнях ведут к их тотальной дискредитации, восприятию в качестве неких деклараций.

Конечно, наука обеспокоена мифологичностью, точнее — наличием мифологических элементов в своих знаниях, в том числе и в области понимания прав человека, поэтому заявляется необходимость его (знания) размифологизации. Недостатки мифологического присутствия в науке очевидны, это: деформация правового мышления, когда произвольные ассоциации заменяют логические аналогии, сакрализация нормативных установлений, ведущая

¹⁹ См.: Benhabib S. *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*. Cambridge, 2011. P. 57–76.

²⁰ См. подробнее: Griffin J. *First Steps in an Account of Human Rights* // *European Journal of Philosophy*. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 306–327.

к правовому идеализму и угоде властвующей элите, инструментализация и мистификация правосознания, в результате которых происходит потеря или подмена смыслов, и пр.²¹ Действительно, всякие вымыслы уводят от истины, они опасны погружением в мир иллюзий и фантазий, лишают способности правильно ориентироваться в жизни. Но бесполезно отказываться от мифов, так как изживание одних мифов вызывает другие, так устроено человеческое мышление, в том числе и научное. Хотя можно и нужно освобождаться от «власти мифа», для этого, как пишет Р. Барт, следует подвергнуть каждый из них «развенчанию и объяснению»²², руководствуясь в первую очередь здоровым скептицизмом, критикой и самокритикой. В этом плане нельзя не признать решением проблемы знаменитое «правило Локка» (в одной из его интерпретаций): «Не поддерживать никакого предложения с большей уверенностью, чем позволяют доказательства, на которых оно основано».

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М., 1994. 616 с.
2. Белякова Г.С. Славянская мифология. М., 1995. 239 с.
3. Вострокнутов В.А. Мифологический элемент в современном общественном правосознании: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 180 с.
4. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. 224 с.
5. Кармин А.С. Интуиция // Энциклопедия по эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 306-307.
6. Кассирер Э. Мифологическое мышление // Философия символических форм. Т. 2. М., СПб., 2001. 280 с.
7. Клименко А.И. Основные правовые мифы в системе современной правовой идеологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 16-28.
8. Ковлер А.И. Антропология права: учебник. М., 2002. 480 с.
9. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: учеб. пособие. М., 2001. 428 с.
10. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Сост., общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М., 2001. 558 с.
11. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М., 2013. 151 с.
12. Осаченко Ю.С., Полозова И.В. Миф // Энциклопедия по эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 518-520.
13. Руланд Н. Юридическая антропология: учебник / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1999. 310 с.
14. Социальная антропология права современного общества: монография / Под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. 248 с.
15. Тищенко Ю.В. Роль мифа в формировании аксиосферы права // Актуальні проблеми філософії права: правова аксіологія: матер. Міжнар. круглого столу (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). Одеса, 2012. С. 84-87.
16. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб., 2001. 314 с.
17. Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.
18. Benhabib S. Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times. Cambridge, 2011. P. 57-76.
19. Griffin J. First Steps in an Account of Human Rights // European Journal of Philosophy. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 306-327.

Mythological Features of Doctrinal Legal Thinking

Glukhareva Ludmila,

Doctor of Legal Sciences, Associated Professor
Head of Department of Theory of Law And Comparative Law,
Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow
E-mail: liglur@mail.ru

Abstract. Based on analyses of well-known specialists' writings, it is argued in the article, that scientific thinking, including doctrinal legal thinking, cannot but include mythological features, as such thinking goes not only within rational but also within ideal (imaginative) sphere. Remythologization of scientific knowledge becomes active due to move towards postclassic paradigm and researches' need to achieve holistic vision of researchable objects and at the same time realize base structures supporting thinking process. Realizing of cognitive connection of rational elements and symbolism of myth illuminates occurrence of specific myth-logic in knowledge development which

²¹ Вострокнутов В.А. Указ. соч. С. 67.

²² Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М., 1994. С. 170.

allows to guess truth by means of intuitive mechanisms which, as it was formerly believed, are not involved into scientific thinking. Difference between scientific and mythological thinking do not interfere such types of thinking to coexist in capacity of mutual complementarity, as human thought does not operate independently and imagery is unattainable apart from estimation. The sphere of modern consciousness, including legal, involves specific myth-logic, as such consciousness still contains archetypes of legal subjects, the real science is based on believe in a number of basic premises and ideas (paradigm) and reality is presented at a most abstract level which does not allow to use, in a nuanced way, an abstract-conceptual and logical-demonstrable knowledge. The adopted point of view is exemplified by human rights conception. It is resumed that mythological thinking is not only existing feature of thinking process but substantial resource of new knowledge. Therefore, the mythologic in science is not a fantasy but more like a guessed truth. Demythologization in legal science can be reached by explanation of all unclear and disputable points.

Key words: doctrinal legal thinking, mythology, remythologization of science, mythological features of human rights conception, demythologization of science.

References

1. Bart R. Izbranniye raboty: Semiotica. Poetica / Translation from French. Moscow, 1994. 616 p.
2. Belyakova G.S. Slavyanskaya mifologiya. Moscow, 1995. 239 p.
3. Vostroknutov V.A. Mifologicheskii element v sovremennom obschestvennom pravosoznaniyi: thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2016. 180 p.
4. Golosovker Ya.E. Logika mifa. Moscow, 1987. 224 p.
5. Karmin A.S. Intuitsiya // Entsiklopediya po epistemologii I filosofii nauki. Moscow, 2009. P. 306-307.
6. Kassirer E. Mifologicheskoye mishleniye // Filosofiya simvolicheskikh form. Vol. 2. Moscow, Saint Petersburg, 2001. 280 p.
7. Klimenko A.I. Osnovniye pravoviye mify v sisteme sovremennoy pravovoy ideologii // Obrazovaniye. Nauka. Nauchniye kadry. 2014. No. 6. P. 16-28.
8. Kovler A.I. Antropologiya prava: uchebnik. Moscow, 2002. 480 p.
9. Leshkevich T.G. Filosofiya nauki: traditsii i novatsii: uchebnoye posobiye. Moscow, 2001. 428 p.
10. Losev A.F. Dialektika mifa / Authors team, under general editorship of A.A. Takho-Godi, V.P. Troitskiy. Moscow, 2001. 558 p.
11. Malakhov V.P. Mify sovremennoy obschpravovoy teorii: monografiya. Moscow, 2013. 151 p.
12. Osachenko Yu.S., Polozova I.V. Mif // Entsiklopediya po epistemologii I filosofii nauki. Moscow, 2009. P. 518-520.
13. Ruland N. Yuridicheskaya antropologiya: uchebnik / Translation from French / Executive editor V.S. Nersesyants. Moscow, 1999. 310 p.
14. Sotsialnaya antropologiya prava sovremennogo obschestva: monografiya / Edited by I.L. Chestnov. Saint Petersburg, 2006. 248 p.
15. Tishchenko Yu.V. Rol mifa v formirovani aksiosfery prava // Aktualniye problemy filosofii prava: pravovaya aksiologiya: mater. mezhdunar. kruglogo stola (Odesa, 9 December 2001) Odesa, 2012. P. 84-87.
16. Frankfort G., Frankfort G.A. Wilson J., Yakobson T. V preddverii filosofii. Doukhovniye iskaniya drevnego cheloveka / Translation from English. Saint Petersburg, 2001. 314 p.
17. Hubner K. Istina mifa. Moscow, 1996. 448 p.
18. Benhabib S. Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times. Cambridge, 2011. P. 57-76.
19. Griffin J. First Steps in an Account of Human Rights // European Journal of Philosophy. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 306-327.